

объема и качества умственной работоспособности школьников 5-х классов ГУО «Гимназия №56 г. Гомеля». Была установлена статистическая достоверность положительных сдвигов по всем исследуемым показателям умственной работоспособности школьников.

Таким образом, организация и проведение физкультурно-оздоровительных мероприятий в режиме дня позволяют значительно повысить двигательную активность школьников, укрепить здоровье, создать положительные, радостные эмоции, что, в свою очередь, поспособствуют повышению работоспособности и успешному усвоению знаний в процессе обучения общеобразовательным предметам.

Использование физических упражнений на уроках английского языка благотворно влияют на умственную работоспособность учащихся, активизируют их учебную деятельность, повышают интерес к урокам английского языка, позволяют в интересной и доступной форме усваивать новую лексику, что позволяет расширить теоретические знания школьников о средствах и методах физической культуры, сформировать новые двигательные действия, повысить интерес учащихся к урокам физической культуры.

Литература

1 Мальцева, А. В. Физкультминутка как компонент здоровьесбережения на уроке английского языка / А. В. Мальцева, Е. А. Соболева // Наука сегодня: проблемы и пути решения: материалы международной научно-практической конференции. в 2 частях. – Вологда, 2016. – С. 46–47.

2 Пахомова, Л. Э. Влияние физкультминуток на умственную работоспособность учащихся специальной медицинской группы / Л. Э. Пахомова, А. С. Фесенко // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 8 – 1. – С. 120–122.

3 Погодина, Н. А. Физкультурные минутки на уроках английского языка / Н. А. Погодина // Педагогический опыт: теория, методика, практика. – 2014. – № 1 (1). – С. 329–331.

4 Шуварикова, А. А. Физкультминутки – одно из средств здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе / А. А. Шуварикова // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии. – Омск, 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 138–140.

5 Кузнецов, Б. В. Физкультминутки и физкультпаузы, как малые внеурочные формы занятий физической культурой / Б. В. Кузнецов, С. Н. Шуткин, В. В. Ипполитов // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2015. – Т. 1. – № 1 (6). – С. 286–289.

6 Осипенко, Е. В. Умственная работоспособность школьников, проживающих в условиях Гомельского региона / Е. В. Осипенко; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – 388 с.

УДК 811.161.1'373:17.023.34-055.2

М. В. Михалевич

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖЕНСКОМ СЧАСТЬЕ (на материале Национального корпуса русского языка)

Статья посвящена анализу концепта «женское счастье» в русской лингвокультуре. С помощью примеров, представленных в Национальном корпусе русского языка, расширяется и уточняется содержание рассматриваемого понятия. Изучается соотношение понятий «женское счастье», «материнское счастье» и «мужское счастье». Анализируется синтаксическая функция словосочетания «женское счастье».

Обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка позволяет всесторонне проанализировать особенности вербализации различных морально-этических понятий, к числу которых относится и концепт «женское счастье». В частности, материалы Национального корпуса русского языка [1], во-первых, дают возможность определить расширение или сужение понятия, а во-вторых – особенности сочетания соответствующей конструкции с другими словами.

Словосочетание *женское счастье* зафиксировано в Национальном корпусе русского языка в 87 контекстах. «Лексическое окружение» названного словосочетания достаточно разнообразно. Рассмотрим несколько примеров, в которых это словосочетание выступает в синтаксической роли прямого дополнения: *Ирина возвращалась домой и думала о том, что её мать, к сожалению, не познала женского счастья и не имеет о нём представления.* (Токарева Виктория. Своя правда); *Как-то в тихую минуту ночной откровенности Анечка поведала молодому другу про свою сердечную драму, опрокинувшую всё её женское счастье* (Василь Быков. Болото); *Сколько я помню, одевалась она всегда со вкусом, носила берет, но женского счастья не имела* (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени); *Ищет женское счастье, а находит то швабру, то гирю, то чемодан.* (Елена Губайдуллина. Крокодилы и женское счастье); *Да что говорить, Тишк... – оборвала она себя, – счастья, обычного человеческого или, если хочешь, женского счастья я не знала с ним никогда* (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя»); *Но ты не такая? Тебе не нужно обыкновенное женское счастье? Я тебя проглядел, проморгал тот момент, когда наш мир померк и ты устремилась на поиски другого, где все только начинается.* (Екатерина Завершнева. Высотка). Следует отметить, что подобная ситуация, при которой действие, выраженное глаголом, направлено на прямой объект, регулярно встречается в различных текстах.

Определения к словосочетанию *женское счастье* нередко выступают (как это видно из приведенных выше примеров) прилагательные *человеческое, обычное и обыкновенное*, которые в условиях авторского употребления наполняются особым, глубоким смыслом.

Поскольку понятие «женское счастье» индивидуально, определения к соответствующему словосочетанию могут самыми различными: *Она встретит своё, увы, такое короткое женское счастье в браке с приват-доцентом Военно-медицинской академии Василием Массе; Иногда мальчику казалось – мама переносила на него свои обиды и даже ненависть к его отцу, виновнику её несостоявшегося женского счастья* (А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой).

С конструкцией *женское счастье* могут сочетаться различные местоимения: *Я бы хотела быть счастливой. Я хочу своего женского счастья. ... Их ждут в Лионе* (Анна Глебова. Уход из ледового монастыря); *Она торопилась даже тогда, когда незачем было торопиться, и её женское счастье, видно, не выдержало такой спешки и лопнуло* (Валентин Распутин. Василий и Василиса); *Да, я все мечтала о свободе... а потом убедилась, что наше женское счастье неразлучно с неволей* (А. Н. Островский. Волки и овцы). Очевидно, что местоимения *своё и её*, указывающие на принадлежность к определенному лицу и выступающие в синтаксической функции определения, конкретизируют содержание рассматриваемого нами понятия, тогда как притяжательное местоимение *наше* приобретает обобщающий характер и относится к женщинам вообще.

Словосочетание *женское счастье* может выступать в роли несогласованного определения, позволяющего выявить «слагаемые» этого понятия: *Первая в Москве Мастерская женского счастья Royal Club – это закрытый элитарный женский клуб для светских леди, домохозяек и бизнесвумен* (Реклама // «Психология на каждый день»); *Например, мужчины сильно недооценивают значение в рецепте женского счастья таких ингредиентов, как достаток, карьера, дружба* (Дмитрий Соколов-Митрич. Любовь как непонимание). В первом случае мы наблюдаем необычное сочетание слов

мастерская женского счастья, в котором абстрактное понятие *женское счастье* сочетается со словом *мастерская*, понимаемом в переносном смысле как элитарный женский клуб для светских леди, домохозяек и бизнесвумен. Необычным является и словосочетание *рецепт женского счастья*, где слово *рецепт* также реализует переносное значение 'рекомендации, советы', пожелания.

В ряде контекстов понятие *женское счастье* соотносится с представлениями о материнском счастье. В следующем случае, например, эти два понятия осознаются как неотделимые друг от друга: *Екатерина Вторая, втайне разрешившая убийство мужа, всю жизнь свою не знала женского и материнского счастья, утопив во лжи фаворитов надежды на любовь*. (Васильева Лариса, В. Правоторов. Весть Василисы, или Тайна, открытая всем).

В выявленных нами контекстах нередко обнаруживается «расшифровка», конкретизация понятия «женское счастье»: *Все же эти пирушки мне не интересны – за редким исключением. – А что такое, по-вашему, женское счастье? – Благополучие в семье* (Светлана Данилова. «Я во многом осталась простой обывательницей»); *Конечно, я понимаю, высшее благородство ее натуры, но вот представь себе, не будь она так достойно обеспечена своим женским счастьем – муж, дети, удачливость* (Татьяна Набатникова. День рождения кошки). Как видим, точного и общепринятого определения понятия «женское счастье» не существует, и понимание этого феномена неизбежно разнится: от достаточно широких – *благополучие в семье* и *удачливость* до конкретных представлений о муже и детях. При ответе на вопрос о сущности женского счастья речь идет о чем-то обыденном и простом: *История продолжается, и по-прежнему ею движет вопрос: в чем оно, женское счастье? В чем состоит женское счастье? «Счастье – оно всегда простое, – говорит тетя Валя»* (Марина Ахмедова. 100 лет женского счастья).

Нельзя не согласиться с мнением о том, что привычное словосочетание *простое женское счастье* весьма противоречиво и неоднозначно по своему содержанию: «Часто, поздравляя женщин, мы произносим привычные, затертые до блеска слова: «Желаю тебе простого женского счастья». Говорим, и сами не понимаем, сколько противоречий одновременно обитают в это незамысловатой фразе. Слово *простое* для человека вообще и для женщины в частности, невозможно уложить в набор каких-то определений. Это настолько растяжимое понятие, что даже осознать его бывает невероятно сложно. Что значит простое? Что это: любовь, успех, слава? Или просто достаток, просто наличие мужа и семьи? Что мы вкладываем в это понятие – «простое» счастье, если у каждого человека оно свое, индивидуальное и может быть совершенно разным, едва ли ни диаметрально противоположным в пределах одной человеческой жизни» [2].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что традиционно понятие «женское счастье» связано со «второй половинкой», с детьми и семьей. Обрести женское счастье – это значит найти мужчину своей мечты и обрести с ним комфорт, уют и благополучие. Вместе с тем, очевидно, что рассматриваемое понятие нередко расширяет свои границы. Счастье для современной женщины – это не только семья, но и хорошая работа, успешная карьера, достойная заработная плата.

Весьма показательным, что словосочетание *мужское счастье* представлено в Национальном корпусе русского языка только пятью контекстами. В следующем случае вообще ставится под сомнение существование данного понятия: *Она не принесла ему мужского счастья (если только есть такое понятие в противовес счастью женскому), даже не так – он не захотел это счастье взять, она-то была готова его отдать, но вместо того разбудила в нем поэта, и он проклинал и благословлял судьбу одновременно за то, что так произошло, – вот еще одна причина вечной пришвинской раздвоенности и противоречивости и такое страстное стремление к цельности* (Алексей Варламов. Пришвин, или Гений жизни // «Октябрь», 2002). Закономерно и то, что мужское счастье отождествляется с работой: *Я считаю, что мужское счастье –*

в работе (Александр Розенбаум. Бультерьер). Прилагательное *хмельное*, употребленное как эпитет к словосочетанию *мужское счастье*, также в известной степени передает особенности мужской картины мира: *Жидкие слезы печали и улетевших молодых дней затуманили взор одинокого Василь Гаврилыча, и он пошел на розовеющее это в окошке хмельное его мужское счастье и, затаившись, пораженный, видел все воздымания рук и разбирания одежды, все зыбкие расстегивания и выпрастывания* (Асар Эппель. На траве двора).

Таким образом, приведенные в Национальном корпусе русского языка контексты, включающие словосочетание *женское счастье*, дают основание заключить, что характеристика соответствующего понятия очень широка. Имена прилагательные и местоимения, выступающие в роли определений рассматриваемого словосочетания, дают всестороннюю (как объективную, так и субъективную) характеристику понятию «женское счастье». В то же время словосочетание *мужское счастье* не обладает подобным богатым набором ассоциаций.

Литература

1 Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.05.2018)

2 Власенко, И. Женское счастье / И. Власенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.woman.ru/relations/men/article/45221> (дата обращения: 07.05.2018)

УДК 94(470)"18":929*А.Ф.Романова

Е. В. Могилевец

АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА РОМАНОВА: ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Статья посвящена периоду детства последней российской императрицы Александры Фёдоровны Романовой, родившейся в Германии, в герцогстве Дармштадт. Были рассмотрены семейные трудности, повлиявшие впоследствии на становление и развитие личности будущей императрицы, а также особенности образования, которое она получила.

Александра Фёдоровна, урожденная Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса родилась 25 мая (6 июня) 1872 года на юго-западе Германии в герцогстве Дармштадт. Она была четвертой дочерью великого герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV и герцогини Алисы, а также внучкой царствующей королевы Англии Виктории.

В юности будущая императрица, как принято считать, не отличалась красотой, однако она была по-настоящему ласковой и нежной, за что семейство прозвало ее «солнышко». Мать Алисы огромное значение придавала воспитанию детей, поэтому от нее будущей Александре Фёдоровне достались строгие принципы нравственности и чистоты. Она направляла своих детей согласно индивидуальности каждого детского характера.

Мать Александры Фёдоровны была не только замечательной матерью, но и знаменитой благотворительницей. Много сил она посвятила работе по учреждению больниц, женских благотворительных организаций, отделений Красного Креста и женских союзов. Она прививала своим детям любовь к труду и окружающему миру. Алиса находила смысл жизни именно в работе, а не в удовольствиях, поэтому впоследствии часто брала своих детей в приюты и больницы, где они учились заботиться о всех нуждающихся.